

12. Малаховский Л.В. Омонимия слов как абсолютная лингвистическая универсалия // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 12. – 1977. – С. 94–98.
13. Орузбаева Б.О. Словообразования в киргизском языке. – Фрунзе: Илим, 1964. – 311 с.
14. Потапов С.М. К вопросу об омонимах // Учён. записки Вильнюсского гос. ун-та, 26. Языкознание. – 1958. – № 1. – С. 225–226.
15. Реформатский А.А. Введение в языковедение. Изд. 4-е. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.
16. Саттарова З.М. Виникнення етимологічних омонімів у сучасній кримськотатарській мові // Мова і культура. – К.: Видавничий центр Д. Бурого. – 2002. – Вип.5. – Т. 3. Ч. 2. – С. 139–143
17. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973. – 278 с.
18. Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. – М., 1972. – 286 с.

Сейтягьяев Н.С.

АВТОРЫ И СФЕРА БЫТОВАНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ XV – XVIII вв.

Обратиться к рассмотрению вынесенной в заголовок проблемы нас заставило утверждение Ф. Хартахая (вторая треть XIX в.) о бедности исторической литературы крымских татар. «Занятие светской литературой не считалось занятием почетным, не давало писателям средств к существованию и, поэтому, было делом досуга, – писал он в «Исторических судьбах крымских татар». – Книги недуховного содержания не имели запроса в публике, и автор должен был отдать им свой досуг только из любви к искусству. Оттого, во всяком мусульманском государстве светская литература и наука могли процветать только при покровительстве государей; золотые времена персидской и арабской литературы и науки всегда совпадали с царствованием какого-нибудь умного и могущественного государя. Крымские ханы не могли быть такими покровителями; они были бедны и, притом, часто низвергались с престола» [11, с. 157]. После Ф. Хартахая проблемы авторства крымских исторических хроник вскользь коснулся О. Акчокраклы [1]. После него она специально не рассматривалась. Поэтому единственным авторитетным утверждением по данному вопросу до самого последнего времени оставалась приведенная цитата. Исходя из этого, мы попытались разобраться в сути проблемы.

Вопрос **сферы бытования** произведений крымскотатарской исторической прозы тесно связан с ее основными особенностями. Крымскотатарская историческая проза представлена произведениями историко-литературных и биографических жанров *теварих*, *вак'а-наме*, *шах-наме* и *терджиме*. Сегодня их известно около двадцати. Примерно половина из них дошла до наших дней [9, с. 29 – 30]. Географические трактаты или книги путешествий (*сеяха-наме*) XV – XVIII вв. в национальной литературе, по крайней мере до сих пор, не обнаружены. Сейид Мухаммед Риза (XVIII в.) сообщает, что в «Сборнике происшествий» крымского историка конца XVII в. – начала XVIII вв. Месуда-эфенди содержался рассказ о посольстве в Иран, в котором автор принимал участие, а в добавлении (*зейль*) к этому сочинению – описание его приключений [18, с. 116а, 125б]. Речь идет о произведениях жанров *сефарет-наме* и *сергюзеит-наме*. Однако они не дошли до наших дней.

В придворной прозе Крымского ханства, как и в прозе родственной ей османско-турецкой придворной литературы, исторические сочинения представлены наиболее широко и наиболее яркими образцами. Как и в литературах других народов крымскотатарские исторические сочинения вплоть до начала XIX в. считались произведениями литературных жанров [4, с. 150; 6, с. 98; 10, с. 486; 21, с. 214].

Важной особенностью крымских исторических сочинений обозначенного периода является их династичный характер. Практически все сочинения освещают историю правящего рода. В первое столетие существования ханства, в продолжение золотоордынских традиций, ведущая роль принадлежала произведениям, повествовавшим о правителях-джучидах. После утверждения новой династии, где-то с начала XVI в., историография Крымского ханства переходит к обслуживанию рода Гираев. Национальные исторические сочинения этого времени создавались специально для правителей или для их ближайшего окружения.

Сфера бытования произведений крымскотатарской исторической прозы XV – XVIII вв. во многом определялась их практическим назначением. Необходимость создания исторических сочинений в Крымском ханстве, как и в других государствах этого времени, диктовалась, прежде всего, вопросами наследования престола и дипломатической практики. Примером сочинения, созданного исходя из этих потребностей, может быть «История татарского хана ...» Ибрагима Кефеве. В ответ на письмо члена Верховного тайного совета при Петре II (1727 – 1730) А.И. Остермана к великому султанскому визирю с претензиями к действиям крымских татар он пишет, что «все “Истории” сообщают, что с древности и до последних дней московский царь и подчиненное ему племя были под властью падишахов Дешт-и Кипчака, были его подданными и пленниками. Сегодня же все права на звание правителей Дешт-и Кипчака принадлежат крымским ханам, происходящим из рода Джучи-хана, старшего сына завоевателя мира Чингиз-хана» [22, с. 5b].

Были и другие причины для создания крымскотатарских исторических сочинений. Особое расположение средневековых тюркских правителей, распространивших в X – XI вв. свою власть на обширные пространства мусульманского Востока, к историкам из числа подвластных им оседлых народов было связано с этнопсихологическими особенностями тюрков. Автор «Послания аль-Фатху ибн Хакану о достоинствах

тюрков и остального халифского войска» арабский писатель Абу Усман Амр ибн Бахр аль-Джахиз (ум. в 869 г.) так характеризовал тюрков: «Их недостаток и причина их страданий – тоска по родине, стремление к странствиям, страсть к набегам, влечение к грабегам и сильная привязанность к своим обычаям. Кроме того, они любят вспоминать радость и плоды побед, ценность и многочисленность трофеев, подвиги в пустынных степях и странствия по тем пастбищам, чтобы от долгого бездействия не ушла в небытие их доблесть, и не притупилось их разящее оружие» [2, с. 33, 88]. В этом высказывании аль-Джахиз четко определил две основные причины любви тюрков к эпосу и истории. С одной стороны, исторические сочинения, так же как и героический эпос, устные генеалогии, исторические предания и песни напоминали им о покинутой родине, а с другой – служили своеобразным этногенетическим кодом, не позволявшим утратить национальное самосознание и коллективную самоидентификацию, несмотря на тысячи километров и столетия, отделявшие их от прародины. Именно по этой причине еще в первой половине XVI в. крымские татары хвалились «древностью своего скифского племени, утверждая, что оно происходит от семени Авраама, и они никогда ни у кого не были в рабстве, хотя иногда бывали побеждены Александром, Дарием, Киrom, Ксерксом и другими царями и более могущественными народами: а ныне оно разделено на разные орды, то есть народы» [5, с. 62]. Выводы известного казахского ученого Ч. Валиханова о связи эпических произведений среднеазиатских тюркских народов с их историей показывают, что особенности этнопсихологии тюрков не изменились и спустя почти тысячелетие. «Любовь к старине и богатство преданий составляют особое достояние кочевых народов Северной и Средней Азии, – писал он. – Предания эти сохраняются свято или в виде родовых воспоминаний в памяти старейшин, как, например, юридические предания и генеалогические, или в форме эпоса передаются из рода в род особым сословием певцов» [цит. по 8, с. 38]. Это же подтверждается и словами В.Д. Смирнова, написанными через тысячу лет после аль-Джахиза. Говоря о богатстве турков историческими сочинениями, он прибавляет: «Частью это объясняется не чуждою туркам любовью к преданиям старины, частью тщеславием османских владык, заботившихся об увековечении своего имени занесением их в летописи...» [10, с. 489].

После завоеваний Чингиз-хана, по мере приобщения монголов и тюрков к литературным вкусам покоренных народов (в первую очередь иранцев) к древним причинам, побуждавшим вчерашних номадов поощрять развитие придворной историографии, добавились новые, связанные с государственными и, в еще большей степени, династийными интересами. Так, правитель Монгольской империи Менгу Каан повелел персу Ала-ад-Дину Ата Малику Джувейни (1226 – 1275), прибывшему в столицу Монгольской империи в свите наместника монгольских ханов в Иране амира Аргуна в 1249 г., «написать произведение, которое превзойдет прекрасные фразы, употребляемые в отношении римских цезарей, которое заставит забыть предания о персидских владыках, для того, чтобы сделать бессмертными его (Менгу Каана – *Н.С.*) деяния и нрав, справедливые и превосходные качества» [16, с. 16, 72 – 73]. Приведенные выше слова В.Д. Смирнова показывают, что те же самые мотивы двигали турецкими правителями и спустя столетия.

Немаловажным практическим назначением исторических сочинений было удовлетворение потребностей правителей в знаниях. В приписываемых среднеазиатскому правителю Тимуру «Уложениях» есть такие слова: «Я призвал к себе историков, авторов летописей и хроник. От них я узнал жизнь пророков и святых людей, они рассказывали мне историю государей мира и объясняли мне причины их возвышения и причины падения их счастья. Поведения, речи и поступки этих государей были для меня неисчерпаемым источником опыта. От них я узнал историю прошедших веков и о переменах, свершившихся на земле» [11, с. 18].

Наконец, историография тюрков служила для удовлетворения их эстетических запросов. Эта функция исторической прозы уходит корнями в глубокую древность и известна также у соседних древним тюркам персов. В «Шах-наме» Фирдоуси есть строки, рассказывающие о том, что исторические повествования стали альтернативой вину на дворцовых пирах в Иране, после запрета его употребления шахом Бахрамом Гуром:

*«Так целый год прошел с того события,
Не ведали в Иране винопитья,
А если шах сзывал на пир гостей,
То лишь для звуков древних повестей»* [13, с. 742].

Точно так же в Крымском ханстве во второй половине XVII в. декламация «Истории Тохта-бая» стала «источником наслаждения» для высшего крымского общества, собравшегося при дворе хана Адиль Гирая «Чобана» в священном месяце Рамадане [17, с. 5, 8].

Значительное число известных произведений крымской исторической прозы XV – XVIII в. опровергает утверждение Ф. Хартахая о бедности исторической литературы крымских татар. На примере чтения хроники Тохта-бая мы видим, что история вызывала живой интерес ханов и их окружения во второй трети XVII в. Есть и другие примеры. Так, принц Халим Гирай сообщает о последнем крымском хане Бахт Гирае (1789 – 1792), что беседа с ним совершенно не наводила скуку, поскольку он долго занимался историей, и поэтому хорошо знал исторические события вплоть до времени Адама [19, с. 220].

Занятие историографией было почетным и достойным даже представителей правящей династии, таких как Мухаммед Гирай (XVII в.), Саид Гирай (XVIII в.) и Халим Гирай (XIX в.). Оно позволяло продвигаться по чиновничьей иерархической лестнице Крымского ханства. Например, Хурреми Челеби был назначен кадием Бахчисарая за перевод и дополнение «Семи планет» Сейида Мухаммеда Ризы [25, с. 99b – 100a]. О популярности истории среди высшей знати Крымского ханства говорит то, что заказчиками исторических сочинений здесь выступали не только правители, но и их дочери и визири, как это было в случаях с сочинениями Кайсуни-заде Нидаи и Мехмеда Сенаи.

Большинство авторов произведений национальной исторической прозы принадлежало к духовному сословию (улемы и шейхи). На это у многих указывает титулатура «эфенди» и «шейх» при имени [7, с. 244]. К числу улемов относились Нидаи (XVI в.), Абдульвели-эфенди и Месуд-эфенди (XVII – начало XVIII вв.), Ибрагим Кефеви (30-е – 40-е гг. XVIII в.), Абдульгаффар Кырыми, Мухаммед Риза, Хурреми Челеби (40-е – 50-е гг. XVIII в.) и Абдульджелиль Кефеви. Шейхом был Мухаммед Кырыми (или Мехмед Сенаи, XVII в.).

Некоторые из историков, представителей духовенства, например, Шейх Мухаммед Кырыми (Мехмед Сенаи), Месуд-эфенди, Ибрагим Кефеви и Абдульгаффар Кырыми в разное время занимали пост секретаря дивана или муншия, т.е. переходили в разряд гражданских чиновников (калемийе). Для Османской империи такого рода переход не был типичным. Напротив, в ряде случаев там имело место, открытое противостояние улемов попыткам властей придержащих возложить на них несвойственные функции, как это было, например, в XVIII в. в Дамаске [7, с. 138]. Что касается происхождения авторов исторических сочинений из разрядов улемов и калемийе, то в османской литературе мы видим аналогичное положение [20, с. 253 – 254]. Среди крымского духовенства были также историки, занимавшие другие высокие посты при дворе. Известно, например, что Нидаи не был чиновником и не исполнял обязанностей секретаря, а был придворным астрологом, гадальщиком по песку, недимом (собеседником) и, вероятно, лекарем Сахиб Гирая I. Причисление его О. Акчокраклы к числу секретарей дивана ошибочно [1, с. 135].

Социальный статус некоторых историков ханского времени пока не поддается точному определению. Например, трудно сказать точно, к какому сословию принадлежали Хайр-заде (30-е – 40-е гг. XVII в.). Его сочинение охарактеризовано Мухаммедом Ризой как «таквим тарихи» («календарная история») и «медх» («восхваление»), что говорит в пользу хорошего знания им подробностей важнейших событий в биографии ханов и высокой образованности. Из этого можно заключить, что он принадлежал либо к числу высших чиновников, либо к аристократии Крымского ханства. В пользу последнего предположения говорит и слово «заде» («сын») в его имени. Такое же указание на родовитость содержится и в именах Хайдар-заде Мухаммеда Кефеви и Кайсуни-заде Нидаи. Что касается Хайруддина-заде, то на принадлежность к самому знатному и влиятельному после правящего в ханстве роду Ширинов указывает, кроме этого, его нисба «аш-Ширини» (если, конечно, это не указание на его происхождение из владений Ширинов). Достаточно родовитым был также Абдульгаффар Кырыми, который происходил из рода золотоордынского эмира Кыят Аладжи-оглу Мамай-бека. А род Мухаммеда Ризы, как следует из титула «Сейид» или «Шериф» при его имени, восходил к самому пророку Мухаммеду. Если мы вспомним, что автор самого раннего из известных крымских исторических сочинений Тохта-бай также принадлежал к племенной ногайской верхушке, то становится очевидным, что в Крымском ханстве значительное число памятников исторической прозы было создано представителями дворянского сословия.

В сравнении с османской литературой, самобытной чертой крымскотатарской исторической прозы XV – XVIII вв. является присутствие в ней историков, принадлежащих к правящему роду Гираев. Известно три таких историографа: Мухаммед Гирай, сын Мубарек Гирая и племянник Саадет Гирай-хана, правившего в 1691г. (XVII – начало XVIII вв.); Саид Гирай, сын Саадет Гирай-хана III (XVIII вв.), и Халим Гирай, сын Шехбаз Гирай-хана (XVIII – XIX вв.). Как видно из имен, эти принцы крови были либо детьми, либо ближайшими родственниками крымских ханов. Нечто похожее имело место в XVI – XVII вв. в Хивинском ханстве, где мы также встречаем имена историков, принадлежавших к правящей династии – Дост-султана и Абулгази Бахадур-хана.

Многие крымские историки были поэтами. К числу таких авторов относятся историки с тахаллусами Нидаи, Сенаи, Гафури, Ризаи, Хурреми. Поэтами были также все три историографа из рода Гираев. Их литературные псевдонимы – Чингизи, Саид и Халим. Поэтические дарования этих историков, несомненно, оказали влияние и на их прозаические произведения.

Многие крымские исторические сочинения были написаны по заказу высших сановников, правителей и членов правящей семьи. Так, Нидаи писал по заказу Нури-султан Хани, дочери Сахиб Гирая I. Сенаи выполнял заказ великого визиря Сефер-Гази-ага. Заказчиком «Семи планет» Мухаммеда Ризы был Менгли Гирай II, а перевода его сочинения, выполненного Хурреми Челеби-акаем, – Арслан Гирай-хан. Несмотря на подобные «высокие» заказы, судя по всему, в Крыму не существовало институтов, аналогичных институтам шах-наме-ньюисов (XV – XVII вв.) и вак'а-ньюисов (XVIII – XIX вв.) в Османской империи. Тем не менее, крымскотатарских историков все же следует подразделять на официальных, т.е. писавших по заказу государственных деятелей (Сенаи, Мухаммед Риза, Хурреми) и частных (приватных), писавших по собственной инициативе (как Абдульгаффар Кырыми). К последней группе относятся также историки из рода Гираев, которые, по справедливому замечанию Ф. Бабингера, писали приватную историю правящей династии [14, с. 259].

Подавляющее большинство историков крымского дивана были этническими крымскими татарами. Большая часть их происходила либо из крымской «провинции» (Акмесджит, Карасу), либо из османской Кафы. Заслуживающим вниманием фактом является то, что историографов, происходящих из ханской столицы, мы встречаем, как правило, на османской службе. Яркими примерами могут служить официальные османские историографы (вак'а-ньюисы) Хасан эш-Шехри Веджихи (ум. в 1660/61 или 1670/71 г.) и Мустафа Рахми-эфенди (ум. в 1751 г.). Хасан Веджихи родился и получил образование в Бахчисарае, затем переехал в Стамбул, где получил пост старшего секретаря (мюхр-дара) при великом визире Кара Мустафе-паше [15, с. 32 – 33; 23, с. 261, 273, 293, 298, 318; 28, с. 1а; 27, с. 1655]. Мустафа Рахми также родился в Бахчисарае и получил здесь образование у своего дяди Ибрагима-эфенди. Затем он, как и Веджихи-эфенди, перебрался в Стамбул и привлек там к себе внимание Ибрагима-паши, благодаря хвалебной касыде, написанной в его

честь. В 1747 г. он посетил в составе османского посольства Кесрийели Хаджи Ахмеда-паши Иран, что нашло отражение в написанном им сочинении «Сефарет-наме-и Иран». В османской историографии Рахми-эфенди известен как десятый государственный вак'а-нювис. Есть указания на то, что его перу принадлежало также историческое сочинение «Тарих-и татар» («История татар»). Это позволяет причислить его к числу частных историков ханства [2, с. 34 – 35; 23, с. 293; 3, с. 642; 14, с. 311 – 312; 24, с. 120 – 121; 26, с. 33; 27, с. 1343]. Хотя официальные исторические сочинения этих авторов, как произведения этнических крымских татар, вполне справедливо являются объектами изучения национального литературоведения, очевидно, что памятниками крымской придворной литературы они не являются. С другой стороны, мы видим в числе историков крымской придворной литературы авторов из османской Кафы: Хайдар-заде Мухаммеда Кефеве, Ибрагима Кефеве, Абдулджелили Кефеве. Таким образом, на примере исторической прозы мы становимся свидетелями своеобразной «утечки мозгов» из Бахчисарая в Стамбул, которая компенсировалась за счет притока национальных творческих сил из других культурных центров полуострова, в том числе и из находившейся в управлении османов Кафы.

Выводы: 1. Национальные исторические сочинения, выступая в качестве произведений деловой прозы, использовались для решения вопросов наследования престола, в дипломатической практике, как источник необходимых для правителей знаний. В своей беллетристической ипостаси они служили для удовлетворения эстетических запросов господствующей элиты Крымского ханства.

2. Крымскотатарские историки принадлежали к правящей династии Гираев, к крымской аристократии, а также к сословию улемов (ученых) и чиновничьему разряду калемийе. Большинство историографов были этническими крымскими татарами. Значительная часть их происходила из крымской провинции и из османской Кафы. В то же время известны факты службы бахчисарайских историков при дворах османских правителей и вельмож. Среди крымских авторов были как официальные историографы, писавшие по приказу или заказу правителей и высших сановников, так и частные историки, делавшие это по собственной инициативе.

3. Историческая проза представляла собой развитую отрасль придворной литературы Крымского ханства. Занятие историей среди крымских татар считалось делом достойным и часто приносило историкам не только денежное вознаграждение, но и карьерный рост. О высоком интеллектуальном уровне и литературном даровании крымскотатарских историков говорит тот факт, что они достигали самых высоких постов при дворе турецкого султана и высших сановников Османского государства.

Таким образом, становится очевидным, что высказывание Ф. Хартахая, приведенное в форме цитаты в начале статьи и считавшееся до сих пор авторитетным, должно быть признано не соответствующим исторической действительности. В период существования ханства крымские татары и их правители высоко ценили историографию и имели развитую историческую литературу.

Источники и литература

1. Акчокракли О. Татарська поема про похід Іслям-Гірея II (III) спільно з Богданом Хмельницьким на Польщу 1648 – 1649 рр. (За рукописом з матеріалів етнографічної експедиції Кримського НКО по Криму влітку 1925 року) // Східний світ. – 1993. – № 1. – С. 134 – 139.
2. Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. – Баку: Элм, 1993. – 204 с.
3. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч.: В 6 т. – М. – Л., 1957. – Т. 4. – С. 15 – 919.
4. Крымский А. Исторія Турції и ея литературы оть разцьвѣта до начала упадка / Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Ин-том Восточ. языков. – Вып. XXIX, № 1. – М.: Тип. Н-въ А. Гатцукъ, 1910. – 164 с.
5. Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В.И. Матузовой. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 151 с.
6. Маштакова Е.И. Турецкая литература конца XVII – начала XIX в. К типологии переходного периода. – М.: Наука, 1984. – 204 с.
7. Мейер М.С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. – М.: Наука, Гл. ред. восточ. лит., 1991. – 261 с.
8. Сагитов И.Т. Каракалпакский героический эпос. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962. – 105 с.
9. Сейитяхья Н.С. XV – XVIII асырлар кырымтатар тарихий несирнинъ нутукъ хусусиетлери // Йылдыз. – 2005. – № 3. – С. 29 – 41.
10. Смирнов В.Д. Очерк истории турецкой литературы // Всеобщая история литературы. Составлена по источникам и новейшим исследованиям при участии русских ученых и литераторов / Под ред. В.Ф. Корша, А. Кирпичникова. – СПб., 1891. – Вып. XXV. – С. 425 – 554.
11. Уложение Тимура: Исторические записки. – Ташкент: Чулпон, 1992. – 112 с.
12. Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. – 1866. – Т. I., отд. 1. – С. 182 – 236; 1867. – С. 140 – 174.
13. Фирдоуси. Шах-наме / Пер. с фарси. – М.: Худ. лит-ра, 1972. – 798 с.
14. Babinger F. Osmanlı tarih yazarları ve eserleri / Çev.: C. Üçok. – Ankara, 1992. – 502 s.
15. Bursalı M.T. Osmanlı zamanında yetişen Kırım mü'ellifleri. Kırımlı meşâyih, 'ulemâ, şu'arâ, müverrihîn, etubbâ ve ri'yâziyûnun terâcim-i ahvâl ve âsârından bahistir / Haz.: M. Sarı. – Ankara, 1990. – 64 s.
16. Cüveyni Alâaddin Ata Melik. Tarih-i Cihangüşa / Çev.: M. Öztürk: 3 cilt birleştirilmiş. – 2. baskı. – Ankara, 1999. – XV + 632 s.

17. Evliya Çelebi Tevârih-i Tohta Bay qavli üzere ibtida Qırım ceziyesine malik olan hanları beyan ider / Транскр. и пер. Н. Сейтягьяева // Научный бюллетень. – 2002. – № 2. – С. 3 – 8.
18. Hâcî Kasımzâde Mehmed Rızâ. Sab'al sayyar fi ahbar-i mülük al-tâtâr. – Süleymaniye Kth., Hamidiyye, 950. – 178 yk. (рукопись; арабским письмом на турецко–османском языке).
19. Halim Giray Sultan. Gülbün-i Hânân yahut Kırım târîhi / Haz.: M.S. Çögenli, R. Toparlı. – Erzurum, 1990. – 232 + 26 s. (репринтное издание).
20. İpşirli M. Osmanlı tarih yazıcılığı // Osmanlı. – Ankara, 1999. – 8. cilt. – S. 247 – 256.
21. Kabaklı, Ahmet. Türk Edebiyatı. 1 – 5 c.: 1.c. – İstanbul: Türk Edebiyatı Vakfı, Temmuz 1989. – XIV + 609 s.; 2.c. – İstanbul: Türk Edebiyatı Vakfı, Mart 1990. – VI + 758 s.
22. Kefevî İbrahim Efendi b. Ali Efendi. Tevârîh-i Tâtâr Hân ve Dağistân ve Moskov ve Deşt-i Qırçaq ülkelerininîdir / Haz. ve İlk Söz'ü yazan: Qırımlı C. Seydahmet. – Pazarçiq, 1933. – 77 s. (араб. графикой на турецко–османском языке).
23. Kırım Türk–Tatar Edebiyatı. Başlangıcından günümüze kadar Türkiye dışındaki Türk edebiyatları antolojisi. – Ankara, 1999. – 13. cilt. – 600 s.
24. Râmiz ve Âdâb-ı zürâfâ'sı. İnceleme – Tenkidli metin – İndeks – Sözlük / Haz.: S. Erdem. – Ankara, 1994. – 401 s.
25. Sa'îd Giray b. Sa'âdet Giray Hân. Ta'rîh-i Sa'îd Giray Hân. – Staatsbibliothek zu Berlin. Preussischer Kulturbesitz. Türkische handschriften. Hs. or. oct. 923, Teil 3. – Bl. 87a – 135a (рукопись; арабским письмом на турецко–османском языке).
26. Soysal A. Kırmî Mustafa Rahmi Efendi: Kırım'da yetişen büyükler // Emel. – 1968. – Sayı: 48. – S. 33.
27. Süreyya M. Sicill-i Osmani / Haz.: N. Akbayar, eski yazıdan aktaran: S.A. Kahraman. – İstanbul, 1996. – 1. cilt. – S. I – XI, 1 – 338; 2. cilt. – S. 339 – 684; 3. cilt. – S. 685 – 1030; 4. cilt. – S. 1031 – 1376; 5. cilt. – S. 1377 – 1721; 6. cilt. – S. 1723 – 2068.
28. Vecihî, Hasan. Vecihî târîhi (1047 – 1069 Vuku'atı). – Süleymaniye kth. – Hamidiye, 917/1. – Yk. 1b – 87b (рукопись; арабским письмом на турецко–османском языке).

Сеферова Ф.А.

ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ НРАВСТВЕННО–ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОГО МИРА РЕБЁНКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭМИЛЯ АМИТА

Обращение современных крымскотатарских писателей к прошлому, а именно к теме войны, депортации и первых послевоенных лет, объясняется тем, что для большинства авторов это время, в котором находятся истоки их биографий. «Поколением страшного 1938 года» называет Шамиль Алядин поколение А. Османа, Э. Умерова, У. Эдемовой, Э. Амига [1, 125]. И это понятно. В полном драматизма прошлом для них таились начала начал. К сожалению, жизнь так распорядилась, что, едва начав ступить по земле, они, будучи детьми, оказались в водовороте истории. Поэтому не случайно стремление писателей прикоснуться к истокам национального характера, понять слагаемые нравственной высоты.

В связи с этим немаловажное значение имеет высказывание А. Приставкина в статье «Прошлое требует слова»: «Писатели, пишущие о войне, – это, как правило, писатели воевавшие, фронтовики. Но те, кто тогда был подростком, видели другую сторону войны, другую её изнанку, потому что война – такое специфическое явление, у которого нет «лица», есть две изнанки. Так вот этой войны в тылу, «подростковой», фронтовики не знали» [2, 6].

Г. Хантемирова отмечает, что жизнь крымскотатарского населения в годы оккупации освещена не полностью или частично [3, 4]. Этот вакуум в известной степени заполняет роман Эмиля Амига «Последний шанс» («Ишанч», 1986), где глазами подростка изображено военное время в Крыму.

Следует отметить, что советские писатели литературе 70–80-х годов стремились взглянуть окружающее глазами ребенка, подростка. Об этом свидетельствуют произведения Ч. Айтматова «Белый пароход», В. Распутина «Уроки французского», М. Ибрагимбекова «Прилетела сова». И это не случайно, ибо ребёнок всегда является нравственным центром семьи, поскольку быстрее многих взрослых дает точную оценку людям и тонко чувствует окружающий мир.

Яркие воспоминания детства и юности лежат в основе романа «Последний шанс» («Ишанч»). Сюжет произведения не сложен. Рустем Керимов из Кезлева (Евпатория) приезжает в деревню Ташлык к бабушке с дедушкой. Его отец служит в Белоруссии командиром воинской части. В скором времени он, получив отпуск, должен приехать, но какие-то служебные дела задерживают. Мать Рустема, не дождавшись мужа, выезжает к нему в Гродно. Начинается война...

Таким образом, Рустем в первые дни войны теряет связь с родителями. Мужчины деревни Ташлык, сразу же были мобилизованы на фронт. Оставшиеся старики, женщины и дети перебиваются кое-как.

На протяжении романа мы видим, как у двенадцатилетнего Рустема формируются черты характера, становимся свидетелями его нравственного возмужания. Такие свойства натуры, как настойчивость, выносливость, рассудительность, он усваивает от отца. Так, в одну из редких встреч отец привёз Рустему подарок. Рустем, присев на корточки, старается развязать продолговатую коробку, перетянутую крест-накрест, но суровая нитка не поддается. Мать попыталась помочь, но отец потребовал не вмешиваться, сказав